

Н.М.ФИШЕР

The background of the cover is a detailed illustration. It features a young person with short, light brown hair and blue eyes, wearing a green and white patterned tunic. They are standing behind a dark, ornate wrought-iron gate. The scene is set in a garden with various green and brown leaves, some of which are falling or blowing in the air. The overall style is painterly and atmospheric.

НА ГРАНИЦЕ
МИРОВ

Н. М. Фишер

На границе миров

Серия «На границе миров», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63828206

SelfPub; 2023

Аннотация

Саша вела самую обыкновенную жизнь и не задумывалась о том, что ее любимый лес скрывает портал в другой мир. Но утренняя пробежка неожиданно переносит девушку сквозь пространство. Она оказывается в мире, где пятьдесят лет назад разрушительный первый ураган стер с лица Земли почти все живое. С тех пор каждый день в одно и то же время бушует смертоносная стихия. И лишь Тихий лес роза ветров щадит. Здесь правящая верхушка отсиживается в лесу и наслаждается властью. А простые люди вынуждены окапываться в землянках по периметру леса, еле сводя концы с концами. Саше предстоит разобраться в политических распрях, разузнать тайны прошлого и стать предводителем восстания. Найти настоящих друзей, обрести саму себя и, конечно, влюбиться.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	26
Глава 3.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Н. Фишер

На границе миров

Глава 1.

Мне стоило бы начать с того, что этот необыкновенный день был наполнен чудесами с самого утра, и все мое существо вело меня навстречу судьбе, повсюду я видела знаки и пребывала в щемящем сердце предвкушении изменяющейся жизни. Но нет, ничего такого. Над городом поднималось самое обыкновенное майское утро; достаточно теплое и солнечное, чтобы выбраться на пробежку без верхней одежды, но еще совсем далекое от жарких летних деньков, когда можно просто выйти в ближайший лес и дышать сырым ароматом травы и хвои.

Будильник монотонно протрещал положенные три минуты, и я нехотя спустила ноги на прикроватный коврик. О них дружно принялось тереться и громко мяукать голодное местное население, приглашая меня проследовать на кухню. Пара котов, играющих роль одновременно моей семьи, друзей и главных ценителей песен, стихов, текстов и всего, что приходило временами в мою голову, все настойчивее намекали, что они – самые голодные существа во Вселенной, а я – самая жестокая и невнимательная хозяйка. Растволкав пуши-

стых троглодитов, решивших, что шесть часов без еды – это слишком, и начавших жевать мои ноги, я поползла на кухню. Строго выверенный тремя годами самостоятельной жизни план: две полные миски корма, стакан воды в себя, еще пара стаканов – в чайник; переступая через рыжий и черный хвосты, – в ванную, умыться, улыбнуться себе, и в бой!

Кухня начала наполняться ароматами свежесваренного кофе с восточными специями и только что приготовленных сырников, а сытые пушистые сожители заняли наблюдательный пост на спинке дивана, довольно урча. Утро шло своим чередом. По моему ленивому пробуждению можно было бы подумать, что сегодня выходной день; не хочу хвастаться, но именно так начинался любой мой день, вне зависимости от его расположения в календаре. С тех пор, как почти четыре года назад я приняла волевое решение покончить с последствиями инженерного образования и уйти с должности инженера-конструктора на заводе, жизнь заиграла новыми красками. С появлением свободного времени вспомнилось, что я всегда любила писать, сочинять, перекладывать стихи на музыку, и я попробовала освежить навыки. Начала с дешевых заказных статей и копирайтинга, предлагала свои услуги известным и не очень исполнителям печально-романтических песен, и со временем смогла обзавестись клиентской базой, сняла отдельную мини-квартиру, подобрала на мусорке двух заеденных блохами котов и зажила.

С тех пор мало что изменилось: обиженные судьбой ко-

тята вымахали в двух довольных бандитов, база заказчиков расширилась, и теперь уже я могла отсеивать неинтересные заказы, а квартирка осталась прежней – слишком уж я прикипела к ней душой за этот не слишком долгий срок. Моя жизнь не была абсолютно счастливой, и все же она была хороша: я не очень-то переживала из-за отсутствия личной жизни и небольшого количества друзей, зато я могла слушать музыку на полную громкость, гладить котов, читать очередную интересную книгу, принимать ванну с бокалом вина или ночи напролет работать, просыпать встречи и мчаться на велосипеде с невысушенными волосами, готовить на завтрак сырники и бегать в лесу, когда весь мир заползал в офисы-муравейники. Я действительно любила жизнь, которую изменило одно самое обыкновенное утро.

Бегло пролистав новостную ленту и решив, что ужасы в экономике и политике за ночь не перестали происходить, я чмокнула пушистых в лоб, налила им побольше водички и на пару часов отправилась погружаться в любимый ритуал бега. Я не стремилась наращивать километраж или темп, да и в массовых гонках никогда не участвовала, а просто получала искреннее удовольствие от своеобразной медитации и чувства полета. Вероятно, на мой выбор способа расслабления повлияли занятия легкой атлетикой в детстве – я обожала бегать и ненавидела все остальное, это остальное и послужило причиной моего ухода из большого спорта.

А теперь я как абсолютно самодостаточный и взрослый

человек (хотя я сильно сомневаюсь, что мои двадцать шесть лет – это и есть взрослость), бежала, когда и куда хотела, и никакой тренер не ставил мне границ, задач, а главное – не оценивал меня. Больше всего я не любила, когда меня оценивали: зачастую я мало интересовалась мнением других людей обо мне, но осадочек от непрошенной критики оставался.

Кухонные часы показали ровно десять утра: я натянула любимую беговую футболку, шорты, кроссовки, повидавшие более пятисот беговых километров и, вооружившись поясной сумкой с бутылочкой воды и телефоном, выдвинулась навстречу мягкому весеннему ветерку.

Он помог распахнуть дверь подъезда и ненавязчиво подтолкнул меня в сторону леса. Если бы я верила в знаки, мне могло показаться, что меня тянет в ту сторону, будто что-то неизведанное манит в свои сети. Но мне предстоял самый обычный маршрут, который повторялся три-четыре раза в неделю, и только выбор тропинки менялся в зависимости от настроения, погоды и навязчивых мыслей, которые я стряхивала во время пробежки.

Бежалось великолепно: я вдыхала ароматы пробуждающейся природы не только грудью, но и каждой клеточкой тела. Пустынные улицы светились нежными лучами, направляя меня своим сладким притяжением, весь мир вокруг словно замер в ожидании чего-то нового. И все это не было предзнаменованием или, наоборот, предупреждением, просто весна вступала в город и прочно обосновывалась в каж-

дом переулке, распускаясь первой листвой, зацветая черемухой.

Ароматы первоцветов, смешиваясь с пьянящим запахом весны, кружили голову и заставляли мчаться со всех ног, широко распахнув глаза и жадно втягивая воздух носом. Я всегда любила этот район за тишину, спокойствие, маленькие уютные дворики между пятиэтажками, малолюдность, но главное – за мой лес. Огромный зелёный массив посреди города стягивал сюда мам с колясками, спортсменов, бабушек со скандинавскими палками, владельцев собак и целые оравы детей, но почему-то места всем хватало. Изучив самые его дальние уголки, я всегда строила маршрут так, что за пару часов могла встретить одного-двух бегунов и иногда нескольких десятилеток в поисках палок для шалашей. Когда-то сюда меня приводили родители побродить по зелёным аллеям и послушать птиц, потом я убежала из школы, чтобы просто побыть в тишине и подумать о своем, а позже этот лес стал моим основным ориентиром при выборе жилья. Можно ли сказать, что меня всегда к нему тянуло? Вероятно, можно. Но можно ли это считать знаком или предназначением? Сложно сказать. Мы вообще мало что знаем о судьбе. Кроме того, что она точно есть. Уж я-то это знаю.

Я всегда верила в судьбу и предопределенность. Часто, когда что-то шло не по плану, я успокаивалась тем, что так было нужно. При другом раскладе я смогла бы повлиять на ситуацию. Возможно, мне просто не хватало целеустремленно-

сти и желания добиваться несмотря ни на что. Но я и сейчас продолжаю верить. И вера эта все разрастается во мне, проникая в каждую клеточку тела, в каждую мысль, в каждое ощущение.

Я пробежала через кованые чугунные ворота, пахнувшие свежей краской, и оказалась в моей стране грез: деревья уже покрылись первым пушком листвы, клумбы на центральной аллее были усеяны красными тюльпанами, высаженными причудливыми узорами, а птицы, не стесняясь, переговаривались, сидя на подстриженных кустах вдоль аллеи. Я нырнула в этот мир цвета и звука с разбега и на секунду замерла, ощутив, что воздух как будто загустел. В голове стучала кровь от быстрого бега, глаза выхватывали новые и новые краски природы, и в душе появилось какое-то тревожно-тянущее чувство, призывающее вернуться домой как можно скорее. Но я не вернулась. Даже не знаю, зря или к счастью. Хотя, конечно же, я знаю. Определенно, к счастью. А иначе мое привычное существование так и осталось бы пресной пародией на то, что называют настоящей жизнью.

Немного отдышавшись и смахнув с себя новые, еще неясные, ощущения, я двинулась вглубь леса: свернув с центральной аллеи на любимую тропинку, погрузилась в абсолютно нетронутую природу. Здесь не хотелось гнать, опережая собственные ноги, или думать о технике бега, можно было просто наслаждаться и испытывать тихую грустную радость, какая бывает только на пороге чего-то нового или

в самом конце пройденного пути. Вообще я всегда любила слушать себя и анализировать ощущения, вот и сейчас, продвигаясь все дальше сквозь заросли, я связывала нарастающее чувство с пробуждением природы, с новой жизнью после долгой зимы и предвкушением расписанного по пунктам лета. Отчасти я была права, я действительно предвкушала новую жизнь, прощалась со старой, хотя ни о чем еще не подумывала.

Ноги несли меня сквозь сгущающийся лес знакомыми тропами, и кажется, не так давно прошел ураган, который я почему-то не заметила: столько поваленных деревьев я никогда прежде здесь не встречала. Может быть, я просто сбилась с пути. Странно, раньше ведь не сбивалась, хотя в такую прекрасную погоду несложно залюбоваться или слишком углубиться в себя, пропустив нужные повороты.

Километры проносились один за другим; столько внутренней силы я ни разу в жизни не ощущала, я будто бы не уставала, а наоборот – подзаряжалась. Настроение тоже улучшалось, внутреннее напряжение, возникшее когда я пересекла ворота, испарилось, в душе разрывались фейерверки, и били фонтаны. Я предвкушала плодотворный день: на очереди была пара интересных заказов, идеи для реализации которых теперь потоком лились в голову. Как же все-таки бег и дарованное им чувство свободы прочищают голову!

Разобравшись с маршрутом, заведшим меня дальше привычных тропинок, я повернула обратно, когда заметила, что

небо угрюмо темнеет, а в кронах деревьев шуршит все усиливающийся ветерок. Выбежав на центральную аллею метрах в трехстах от выхода, я машинально перешла на шаг. Ветер набирал мощь, и разумом я понимала, что стоило бы ускориться и попасть домой до разгула стихии, но я не могла. Все накопленные в лесу силы разом покинули меня, и теперь я медленно волокла ноги вдоль пустых бетонных ограждений клумбы, где *полтора часа назад краснели тюльпаны*.

От этой мысли я ощутила легкий холодок, пробежавший по коже, но не придавала ему значения, решив, что клумбы обновляют к лету, и мы с садовником просто разминулись. Я двинулась дальше, перешагнув лежащее поперек дороги трухлявое дерево. Ноги совершенно не хотели слушаться – я с трудом продвигалась к выходу под ставшие грозными порывы ветра. Первая крупная капля дождя упала мне на темечко, и я съежилась от неожиданности и холода. Природа вокруг за секунды превратилась из нежной девушки с горящими глазами, полной надежд и распахнутой миру, в сумеречную дряхлую старуху, готовую стукнуть своей клюкой первого встречного. Предчувствия, к которым я всегда предпочитала прислушиваться, в этот момент трубили мне в оба уха, да так громко, что я потеряла связь с реальностью и не могла ничего разобрать.

Наконец-то я не без усилий добралась до выхода, калитка на воротах была прикрыта и ритмично поскрипывала в унисон порывам ветра. Но мне бросилось в глаза, что краска и

на самих воротах, и на заборе, примыкавшем к ним, была облуплена и кое-где свисала тонкими пластами, словно не было никакой реконструкции на прошлой неделе. Но я же точно помнила, что еще полтора часа назад мне в нос ударил запах *свежей краски!* В ушах зазвучал внутренний голос: «*С этим миром что-то не так!*»

Обдумывая увиденное и пытаюсь найти логичное объяснение непонятым метаморфозам, произошедшим за такой короткий срок, я немного задержалась у ворот, уставившись на гипнотически покачивающуюся калитку, как вдруг мой взгляд упал дальше, за забор, и тут тревожный колокольчик в голове затрезвонил с такой силой, что я еле устояла на обессиленных ногах. Через дорогу вместо так любимого мной квартала пятиэтажек с уютными внутренними двориками и детскими площадками был пустырь. Огромный бескрайний пустырь с убогими лачугами почти вровень с землей, хаотично разбросанными до самого горизонта. Где-то вдалеке горели костры, дым от которых тут же разносил порывистый, почти ураганный ветер. Я ухватилась за пруток забора, зажмурилась, искренне надеясь, что врезалась во что-нибудь на пробежке, и сейчас открою глаза, лежа на земле с шишкой во весь лоб и сотрясением мозга. Но нет. Симптомов сотрясения не было, а вот реалистичные галлюцинации, похоже, были.

Стоять на одном месте с округлившимися от ужаса глазами не показалось мне хорошей идеей, надо было предпри-

нять хоть что-то, и я вышла из леса. Первым же порывом урагана меня чуть не сбilo с ног, и мне пришлось изо всех сил вцепиться в забор. Решив переждать непогоду в лесу, где деревья хоть как-то сдерживают разыгравшуюся стихию, я уже занесла ногу, чтобы шагнуть за ограду, как вдруг передо мной словно из ниоткуда возник парень ростом под два метра с невероятными, почти черными глазами, полными непонимания и удивления.

– Ты с ума сошла? – крикнул он, пытаясь заглушить ветер, уносящий звуки его голоса в сторону пустыря. – Ты вообще видела время? Как ты додумалась выйти на улицу? Да еще и так далеко от поселения?

– При чем тут время? Какое поселение? Кто ты вообще такой, и что тут происходит?

– Быстро пошли, если у тебя осталось хоть немного здравого смысла, и ты хочешь прожить еще день!

Парень схватил меня за запястье и рванул на себя. Не отпуская мою руку, он тащил меня за собой: бежать быстро мы не могли, ноги не слушались, а ветер сносил все на своем пути, задавать вопросы в такой ситуации не хватало сил – все уходило на борьбу со стихией, и я просто повиновалась. Мы бежали по тому самому пустырю, где совсем недавно стояли дома; согнувшись и передвигаясь почти на корточках, мы миновали нескольких землянок, и я успела заметить, что все они абсолютно идентичны – узкий проход, прикрытый деревянной панелью, и рядом что-то вроде окна – небольшая ды-

ра в земле с укрепленной в ней стекляшкой; из некоторых убежищ торчали трубы, и валил дым.

Отодвинув панель одной из убогих землянок, парень втолкнул меня внутрь и закрыл за нами импровизированную дверь. После уличного света я сначала оказалась полностью потерянной, но скоро благодаря отблескам потрескивающих угольков в печке-буржуйке смогла различить в помещении еще две фигуры.

Высокий женский голос с явным надрывом нетерпеливо прокричал:

– Дима, кто это? Опять ты под самый ураган притаскиваешь в наш дом всяких бродяжек?

– Лиза, успокойся, посмотри на нее, она не похожа на бродяжку. Переждем ураган и решим, что с ней делать дальше, – ответил мой спаситель.

Я, ничего не понимая, стояла у входа в жилище этих незнакомых людей и боялась пошевелиться или что-то сказать. Первый раз в жизни я оказалась в полном ступоре и совершенно потеряла грань между реальностью и бредом.

Молчание прервал третий человек, сидевший в дальнем углу землянки, которого я сначала даже не заметила:

– Как тебя зовут? И откуда ты взялась? Ты странно одета.

– Саша, – ответила я, все еще не осознавая, реально ли происходящее. – Вообще я живу в двух кварталах отсюда, но я не совсем уверена, что эти кварталы по-прежнему существуют. Я отправилась утром бегать по лесу, а потом этот

ветер, эти пустые клумбы, ободранные ворота. Что вообще здесь происходит? Кто вы все? Что вы тут делаете? ЧТО Я ТУТ ДЕЛАЮ? – Слыша собственные слова, я понимала, как абсурдно и глупо они должны звучать.

Голос срывался на истерику, а ноги все еще подкашивались. Мой спаситель, которого называли Димой, подхватил меня и усадил на свободную табуретку, прислонив к земляной стене. Мне дали видавший виды и не одну моль плед и чашку какого-то горячего пойла. Понемногу паника отступала, а вот вопросы только прибавлялись. Глаза привыкали к полумраку, и я смогла рассмотреть людей, приютивших меня, и их жилище.

Мы вчетвером расположились на четырех-пяти квадратных метрах: пол был выстлан уже хорошо притоптанной соломой, стены представляли собой обыкновенную рыжую глину, наскоро срезанную, дверь, как я и подозревала снаружи, находилась на уровне земли и фактически располагалась в потолке, к ней вели ступени, вырытые в глине и также выстеленные соломой. Промелькнула мысль, что я только чудом не свалилась с них кубарем и не сломала шею. Потолок явно был невысоким, потому что Дима стоял, изрядно пригнувшись. Своды землянки поддерживали тонкие стволы деревьев с прибитыми сверху для создания плоскости досками. Рядом с дверью оказалось прорыто некое подобие окна, служившее скорее источником воздуха, чем света, по центру «комнаты» стояла печь, труба которой выходила через

глиняный потолок наружу. С мебелировкой явно не работали дизайнеры: три табуретки, видимо, на каждого обитателя землянки, самодельный стол из куска фанеры на четырех березовых пнях, гора дров в углу, которые Лиза подкидывала в трескучую печку, и какие-то скрученные в другом углу тюки, вероятно, выполнявшие функцию постели. Землянку вырыли на скорую руку, не умеючи и без претензии на хотя бы малейший уют, и выполняла она только функцию крыши над головой, без чего в такой ураган явно было не обойтись.

Обитатели этого странного жилища тоже вызывали неподдельный интерес: конечно, мне как гостю, которого не ждали, стоило бы не так пристально их разглядывать, но слишком уж странным и нереальным казалось происходящее, а вот люди, наоборот, выглядели более чем нормальными и обычными.

Лиза, обладательница высокого голоса, оказалась красивой стройной блондинкой с убранными в толстую косу волосами. Дима, слишком высокий для этого места, – жгучий короткостриженный брюнет с пронзительными черными глазами. Казалось, что смотрит он не на тебя, а сразу в душу. И последний, имя которого я пока не узнала, сидевший в дальнем углу, кажется, невысокий молодой человек имел, в общем-то, классическую русскую внешность, опущенные ниже ушей русые волосы, правильные черты лица. Он держался сам по себе, но производил впечатление главного в этой семье или общине – внешне собравшаяся в полумраке компа-

ния едва ли походила на родственников. Единственное, что в корне отличало их всех от меня, – это одежда: во-первых, они все были обуты в берцы, что больше всего не подходило к образу Лизы, а во-вторых, вся их одежда была серо-зеленых оттенков, и по ее состоянию можно было сказать, что гардероб они обновляют нечасто.

Молчание затянулось, горячая жидкость с неопределенным вкусом и запахом немного вернула меня к жизни, а завывания ветра на улице все усиливались. Молодой человек, которого я приняла за главного, видимо, решив, что я достаточно пришла в себя, нараспев заговорил:

– Значит, Саша. Тебе получше? Вижу, что да. Ты сможешь ответить на пару моих вопросов?

– Я бы и сама хотела получить некоторые ответы. Но да, конечно, я отвечу, все же это я у вас в гостях.

– Ты права. Если бы ты не была здесь, тебя бы уже унесло.

– Унесло? – удивилась я.

– Подожди, сначала я. Хочу понять, что ты вообще знаешь, и насколько много у тебя возникнет вопросов. Итак, ты сказала, что живешь в двух кварталах, можешь описать это место?

– Если бы вы это спросили...

– О нет, нет, только на ты. Я – Артем, кстати. Ты, возможно, удивишься, но мне девятнадцать лет, и меня в дрожь бросает от этого «вы».

– Хорошо. Ты кажешься старше.

– Жизнь никого не молодит. Продолжай, – ухмыльнулся он.

– Да... Если бы ты спросил об этом часа три назад, я бы сказала, что на этом самом месте, где мы сейчас сидим под землей, напротив леса раскинулся живописный район с уютными пятиэтажными домиками и дворами, где бегают, качаются на качелях и играют в песочницах дети, а лес занимает практически две трети района. Если пройти чуть дальше, будет квартал новых домов, где я снимаю небольшую квартиру с видом на лес. Я уже три года живу там с моими котами. Боже, коты! – Я вскочила.

– Тихо, тихо, не отвлекайся, – успокоил меня Артем убаюкивающим голосом, – расскажи все максимально спокойно, а главное – подробно, важны малейшие детали. И тогда мы сможем сделать выводы.

– Тём, ты же уже и так все понял! – возбужденно перебил его Дима.

– И все же я хочу дослушать.

– Попробую. Просто я вообще ничего не понимаю, – снова завелась я. – Так вот, сегодня утром около десяти часов я пошла на пробежку в лес, кажется, я это уже говорила. Была прекрасная погода, я бежала с огромным удовольствием, потрясающе пахло сиренью и первыми цветами. Я пересекла границу ворот, ведущих в лес, и они были только недавно покрашены — сильно ударил в нос запах свежей краски. На центральной аллее росли тюльпаны, много красных тюльпа-

нов. Я не уверена, важно ли это.

– Все важно, продолжай.

– Я убежала вглубь, немного сбилась с пути, и тут начала портиться погода, а еще меня угораздило попасть в какую-то часть леса, где его не чистят – под ногами был бурелом. Потом я выбралась на центральную аллею, когда ветер уже усилился, но на клумбах ничего не было, вообще ни одного цветочка! – Голос снова начинал срываться.

– Саша, выдохни. Ты говоришь по-настоящему важные вещи. Пожалуйста. В мельчайших деталях. И тогда мы сможешь помочь тебе, а ты – нам.

– Я – вам? – удивилась я.

Лиза недовольно хмыкнула. Я посмотрела на Диму – он стоял, ссутулившись и опустив голову на грудь, и как будто мысленно отсутствовал.

– Да, мы сможем помочь друг другу, если ты все вспомнишь, – повторил Артем.

– Ладно, попробую. Так. Поперек дороги валялись вырванные с корнем деревья, но такого не было утром. Как за такое короткое время ветер мог повалить вековые деревья?

– О-о-о, еще как мог, – задумчиво пробурчал под нос Дима.

– А потом я заметила, что калитка и забор были в облупленной старой краске, а не черные и блестящие, как час назад! Будто лет двадцать прошло! – продолжила я. – Я вышла за ворота, хотела вернуться домой, но тут этот пустырь,

этот жуткий ветер, казалось, что меня сейчас сдует, потом появился Дима и привел меня к вам. В общем-то, все.

Наступила тишина, прерываемая только зверскими завываниями ветра. Из полумрака прозвучал леденящий душу голос Димы: «Кажется, она перенеслась в *наш* лес».

– В ваш лес? Что это значит? – не поняла я.

– Какого числа ты вышла из дома? – ответил Дима вопросом на вопрос.

– Семнадцатого мая.

– А год какой?

– Две тысячи двадцать пятый... Только не рассказывайте мне сказки, что я попала в будущее! – Мои нервы снова давали сбой.

– Нет, – спокойно ответил Артем, – сегодня семнадцатое мая две тысячи двадцать пятого года. А это значит...

– Ровно пятьдесят лет с *Первого Урагана*... – прошептал Дима.

– Первый Ураган? – снова удивилась я.

– Послушай историю или уже легенду. Сложно сказать, что из этого – правда, а что приукрасили рассказчики, – начал Артем. – Когда-то давно, больше полувека назад на этом самом месте стояли описанные тобой уютные пятиэтажные домики с дворами, садами, детьми, тогда этот квартал только заселялся. И ничего не предвещало беды, пока пятьдесят лет назад, ровно в этот день, между десятью и одиннадцатью часами утра не начался ураган. Сначала просто усилился

ветер, пошел дождь, и люди, кто был на улице, поспешили спрятаться по домам. Это было их самой страшной ошибкой. Ураган все разыгрывался и вырывал с корнем вековые деревья в лесу, сдувал крыши с домов, переворачивал машины. Он не ослабевал, а только набирал обороты, пока не разнес в щепки каждый дом, не утащил с собой каждого человека, кто ему попался, не разобрал на детали все, что встретилось на пути! Он бушевал месяц! Месяц он крушил и ломал все вокруг, не щадя никого! И так было не только здесь, а по всему миру. Когда ураган, наконец, закончился, оказалось, что группа людей сумела укрыться в Тихом Лесу, в том самом лесу, куда ты пошла сегодня на пробежку. Среди спрятавшихся были и наши родители. Уж не знаю, магия это или роза ветров, но ураган всегда обходит Тихий Лес стороной, причиняя ему минимум ущерба. Таких мест, куда ураган не рискует соваться, достаточно много, хотя в этом я не уверен. Люди стали устраивать поселения вокруг этих мест, укрываясь в лесах, зарываясь под землю. Все, что возвышается над землей и попадает на пути урагана, рано или поздно будет уничтожено.

– Но что это за ураган сегодня? И почему, когда Дима перехватил меня там, у ворот, он сказал, что я могу умереть?

– Ах да. С тех пор каждый день с десяти и до четырнадцати часов над планетой проходит ураган, не такой мощный, конечно, но достаточный, чтобы тебя унесло, как когда-то унесло и наших родителей.

– Прости...

– Здесь у всех кого-то унесло. Мы – не родственники, как ты могла бы подумать, просто наши родители дружили, и мы вместе росли. Дима и Лиза ухаживали за мной, когда родители уходили на работу.

– На работу?

– А ты думаешь, у нас первобытный строй? – возмутилась Лиза.

– Нет, ничего такого я не думала. Я пока вообще не знаю, что обо всем этом думать.

– Да, мы работаем, – продолжил Артем, – в основном ночами, чтобы во время урагана находиться в укрытии. Чтобы как-то выживать, поколение наших родителей после Первого Урагана смогло восстановить кое-какие заводы, по производству спичек, например, или мыла – самого необходимого.

– А в Тихом Лесу есть фермерское хозяйство, теплицы и нормальная еда, именно туда все стремятся попасть на работу, – вмешался Дима. – Поэтому я не дал уйти тебе обратно в лес. Перед ураганом по периметру забора выставляют караул, одни приковываются цепями к столбам, чтобы их не унесло, а другие – патрулируют территорию внутри. Мы улизнули прямо у них из-под носа. Если бы тебя поймали, то отвели бы к Правлению, а там бы с тобой не церемонились.

– Но зачем они там?

– По официальной информации, во время ураганов люди пытались укрываться в Тихом Лесу, как сделали наши роди-

тели, а потом прихватывали из хозяйства куриц, разоряли посадки, пытались пилить деревья для костра.

– Но это только по официальной, – перебил Артем, – мы же считаем иначе. Есть слух, что не всех людей на самом деле унесло Первым Ураганом. В лес убежали несколько сотен людей, но вышли из него только две сотни. А куда же делись остальные, спросишь ты. Один старик, с которым я разговаривался на работе, сам еле спасшийся во время Первого Урагана, видел, как люди, вбегавшие в ворота Тихого Леса чуть позже десяти утра, просто растворялись в воздухе!

– Они думают, что там портал в параллельный мир! – ухмыльнулась Лиза, подбросив полено в печь. – Будто бы каждый год в этот день в определенный час можно пройти сквозь портал в воротах и оказаться в лучшем мире...

– В моем мире... – прошептала я.

– Но я думаю, что это сказки и напрасные надежды! – закончила Лиза.

– Саша, ты не просто так оказалась здесь! – Артем вскочил. – Это означает, что портал точно есть, и он работает в обе стороны, надо только узнать точное время! И через год, всего через год ты сможешь вернуться домой, а мы попасть туда, где не придется жить как кротам! Не придется получать жалкие гроши и связку дров за свою работу! Где не будет этого выжженного поля на километры вокруг! Где можно бегать ради удовольствия, а не чтобы выжить...

Руки Артема бессильно повисли, и он рухнул обратно на

свое место. Столько боли и одновременно надежды было в этом совсем юном, но таком взрослом парне.

– Я... Я не знаю, что сказать. Если все, что вы тут рассказали, – правда, и я не сошла с ума, то мне как-то надо прожить здесь год и посекундно вспомнить сегодняшнее утро. Год моей жизни! Меня же объявят в розыск, а что будет с моими родителями? Они же решат, что я умерла! А с котами что будет? А моя квартира? А все мои вещи? А работа? Я же за год растеряю всех заказчиков! – Я вскочила, слезы полились из глаза, ком подкатил к горлу. – За что мне это?! Почему в эту проклятую секунду я прошла через эти ворота? Да что же за бред такой! – На секунду я замерла, пораженная вроде бы глупой, но логичной мыслью. – А что происходит, когда это семнадцатое мая выпадает на выходной? Люди же постоянно идут в лес! К вам тут «пришельцы» пачками сыплются?!

– Ты – первая, – прошептал Артем, – по крайней мере, первая, кого мы встретили.

Диме пришлось с силой обнять меня, чтобы усадить обратно на табуретку, а сам он присел рядом на пол; несмотря на мое оторопевшее состояние, я почему-то обратила внимание, что теперь мы с ним стали одного роста. Я машинально уткнулась в его плечо и только сильнее разрыдалась. До этого момента я никогда не позволяла себе слез на публике, но сейчас мне казалось, что жизнь полностью разрушена из-за нелепой случайности. Дима погладил меня по волосам, тихо

и мелодично сказав:

– Я не знаю, как ответить на твои вопросы. Но возможно, так было нужно. Ты веришь в судьбу?

– Верю. Только за что она так со мной?

– Никто и не обещал, что будет легко.

Стихия продолжала бушевать, хотя и подходила к ежедневному финалу; мы сидели на полу и смотрели на огонь, он казался мне единственным, что не изменилось в моей жизни. Раньше я часто вечерами гасила свет, зажигала свечи и часами вглядывалась в пламя, слушая внутренний голос. Что ж, значит, это судьба.

Глава 2.

Обстановку в землянке сложно было назвать уютной, но почему-то она успокаивала и позволяла сохранить хоть какую-то связь с реальностью. Ветер почти стих, значит, если я запомнила правильно, было два часа дня. Смириться с тем, что мне предстоит провести здесь целый год, я пока не могла, да и не пыталась, а вот бытовые вопросы возникали один за другим. Приставать с расспросами я не хотела; если поверить во все сказанное, то я и так была обязана жизнью трем незнакомым людям, делящим друг с другом это крохотное помещение.

Мы сидели тихо, сливаясь с окружающим миром, каждый – в собственных мыслях. Я боялась, что эти люди попытаются взвалить на меня что-то непосильное, ведь они искренне верили, что я могу помочь им перенестись в лучший мир. А я вообще не была уверена, что этот лучший мир все еще существовал, не помнила точного времени пересечения этих чертовых ворот и безмерно боялась никогда не вспомнить. Хоть я еще ничего не знала о мире вокруг, но точно не хотела становиться его частью. Я мечтала только об одном – вернуться домой, к привычной жизни, уютной квартирке, размеренному темпу без угрозы для жизни в ежедневном расписании.

На улице громко ударили в колокол, и от неожиданности

я вскочила.

– Ураган прошел, – отрезал Артем и, глядя на меня, добавил: – Час на сборы, и мы с Лизой выдвигаемся на работу, дежурит сегодня Дима, он тебе и покажет все остальное.

– А где вы работаете?

– Я – на спичечном, как и наши родители когда-то, – равнодушно ответил Артем, и только испуганный взгляд Лизы, брошенный в Димину сторону, показался мне настораживающим.

– А что вы делаете? Вам нравится?

– Нравится? – засмеялась Лиза. – Здесь нет такого понятия! Есть работа, и есть норма дров и мыла, а на еду – жалкие копейки древних денег. Нравится... Мы выживаем, а не получаем удовольствие!

– Успокойся, – осадил ее Дима. В глубине его выразительного взгляда что-то таилось. – У нас нормальная ситуация, мы живем втроем и все работаем – дров уходит меньше, на еду хватает.

– Я совсем забыл! – перебил их Артем, окинув меня взглядом. – Тебе же нужна одежда! В таком виде ходить опасно, все сразу поймут, что ты не отсюда.

– И чем мне это грозит?

– Я не знаю, и лучше не узнавать. Но знакомства с Правлением в этом случае тебе не избежать. – Я уже засобиралась выяснить, что же за такое ужасное Правление, от которого стоит держаться подальше, но Артем не дал мне вставить и

слова. – Лиз, ты покупала пару месяцев назад новые штаны и спецовку, дай ей.

– Еще чего! Я откладывала на них почти год, чтобы добыть новые, а не с заплатами с чужого плеча! – воскликнула она.

– Лиз, дай, пожалуйста, ей только на сегодня. Мы пойдем на базар и купим что-то попроще, – попросил Дима. – Футболку я дам свою. – И, взглянув на мои кроссовки, добавил: – На ногах пока оставишь это, но берцы надо раздобыть побыстрее.

Лиза нехотя подошла к тюкам в углу, которые я приняла за постель, порылась в них, извлекла аккуратно скрученный кулек, глубоко вздохнула и кинула им в меня с таким видом, словно расставалась с самой большой драгоценностью в жизни. Небрежно скользнув по мне презрительным взглядом и кивнув Артему, она развернулась и выбежала наружу, хлопнув импровизированной дверью с такой силой, что с потолка посыпалась земля.

– Не обращай внимания на нее, она добрая, просто не хочет верить в другой мир, даже видя живое доказательство. Считай, что ты подорвала ее жизненную позицию, благодаря которой она кажется такой сильной. Но она привыкнет, – попытался разрядить обстановку Артем. – Я лучше догоню ее, и мы сразу пойдем на работу. А ты обживайся, привыкай. Сходите на базар, да и вообще пройдите по нашим достопримечательностям, если их можно так назвать.

Мы остались с Димой вдвоем, мне почему-то было неловко смотреть на него, ведь именно из-за этого темноволосого великана я оказалась здесь, и я не знала, что им двигало: желание спасти абсолютного незнакомого человека или мечты о лучшей жизни. В голове пока совершенно не укладывалось, что помимо моей нормальной обыденности, есть еще какой-то мир, иной, где люди могут только грезить о теплой постели, вкусной еде и элементарном уюте. Дима, казалось, всегда ждал того, кто сможет дать ему этот прекрасный мир, в котором мне посчастливилось родиться, и потому смотрел на меня с удивительно детской надеждой. А я? Я всегда в себе сомневалась, и уж тем более сомневалась, что смогу стать для этих людей проводником в лучшую жизнь.

Он достал из того же тюка, где только что Лиза искала для меня одежду, футболку огромного размера, точно подходившую на его рост, но ставшую платьем по колено для меня. Поймав мой взгляд, Дима смущенно пожал плечами:

– Чем богаты. На базаре найдем что-то более подходящее.

– Но у меня совершенно нет денег. Знаешь, в моем мире достаточно иметь телефон, чтобы за все платить. Точно! Телефон!

Попав сюда, я испытывала такой шок, что даже ни разу не вспомнила о средстве связи у себя на поясе, которое к тому же по секундам записывало все мои передвижения. Во мне затеплилась надежда, что узнать время прохождения ворот не составит труда, а может быть, я вообще смогла бы позво-

нить в свой мир! Трясущимися руками я расстегнула молнию на поясной сумке и достала телефон: разумеется, он был выключен, а на любые попытки включить его просто не реагировал, зияя черным экраном. Утомила ли его постоянная запись трека или скачки в пространстве, все это уже не имело значения. Информацию получить не получится, а на подзрядку рассчитывать не приходилось. Дима удивленно смотрел на меня и на предмет в моих руках.

– Это телефон. По нему можно звонить, то есть разговаривать с любым человеком в любой точке мира, где бы ты ни находился. А еще с него можно платить. То есть у тебя есть деньги, но физически они лежат в банке, а ты пользуешься ими виртуально. Прикладываешь телефон к специальному аппарату, часть твоих денег тратится, а ты получаешь необходимую вещь. Только сейчас он не работает, разрядился. И я никогда не думала, что это так сложно объяснить.

– Знаешь, я не уверен, что хочу в твой мир! – засмеялся Дима. – Вот дрова – это правильные деньги. Нет дров – ты замерзнешь и умрешь. Даже эти старые бумажки, которые мы используем, не имеют никакого смысла, но еды без них не добыть. А про телефон родители мне рассказывали, и, насколько я понял, он был намного больше и с проводом. – Он помолчал. – Переодевайся, я отвернусь. И мы прогуляемся.

– С момента как ваш мир... изменился, – постаралась я подобрать подходящее слово, облачаясь в безразмерную одежду, – у нас, наоборот, произошел огромный скачок в

развитии: телефоны стали совсем маленькими, и работают они от батарейки в любой точке мира. Компьютеры тоже раньше были огромными, могли занимать целые комнаты, а сейчас они небольшие, но с безграничными возможностями. Наверное, про них тебе тоже родители что-то говорили.

– Они многое рассказывали, хотели, чтобы мы чтити свое наследие. Верили, что со временем все можно будет восстановить. Но знаешь, некоторые вещи из прошлого здесь полностью потеряли свою ценность, сейчас совсем другие правила.

Дими́на футболка действительно оказалась для меня платьем, пришлось заправить ее в Лизины штаны, которые тоже были мне на пару размеров велики, а на спецовке закатать рукава. Спортивный топ я все же оставила, казалось, что без частички чего-то своего я потеряюсь в этой чужой одежде посреди чужого мира.

– Я готова!

Дима повернулся и оценивающим взглядом просканировал меня с головы до ног:

– Ты худее Лизы и ниже. Это хорошо.

– Тебе нравятся миниатюрные девушки? – улыбнулась я.

– Маленькая одежда меньше стоит, – равнодушно пожал плечами Дима, – а твой... наряд мы пока спрячем и как можно дальше, чтобы на него никто из чужих не смог наткнуться.

Он отодвинул стол, ногой разворошил солому и открыл небольшую дверцу в полу, засунув туда мои вещи вместе с

телефоном и сумкой, с силой захлопнул и вернул стол на место.

– Что-то вроде сейфа, – пояснил он. – Что ж, вот ты и похожа на одну из нас. Теперь немного пройдемся. Надо купить тебе одежду по размеру и еды. Я сегодня дежурю, а потому ужин на мне. Ребята придут под утро, еда должна быть готова.

– А когда у вас выходные?

– Мы работаем сменами. Начинаем с четырех вечера и заканчиваем в четыре утра. А оставлять дом надолго без присмотра мы не рискуем, поэтому всегда выстраиваем график так, чтобы один из нас не работал.

– А сколько в неделе рабочих дней?

– Столько, сколько денег тебе нужно. Ты можешь работать хоть каждый день. Многие, у кого есть дети, вынуждены так делать, ведь на один паек они должны кормить и согревать не только себя. Мы поступили умно, что объединились, можем себе позволить иногда оставаться дома и, как видишь, даже на что-то откладывать. Но давай не тратить время, пойдем на дальний базар, где лес отступает от дороги, чтобы не встретить слишком много знакомых лиц.

Мы выбрались наружу: в глаза, адаптировавшиеся к темноте, ударил дневной свет. Через пару минут я смогла полноценно оглядеться. Вид не поражал разнообразием, и не так много новых деталей я смогла заметить, разве что люди, вылезавшие из своих укрытий и судорожно собирающие сло-

манные ураганом ветки, добавили движения унылой картине. Небо было затянуто плотной серой пеленой, рыжий глинистый пустырь уходил в горизонт, и только низкие бугорки кротовых нор, которые люди именовали своими домами, плотной сеткой окутали все вокруг. Примерно в полукилометре к северу темной стеной возвышался могущественный Тихий Лес.

Если присмотреться, можно было различить, что поселение имело структуру: напротив ворот в лес начиналась широкая вытопанная до твердости центральная улица, а от нее в стороны через каждые три-четыре землянки отходили нескончаемые побочные тропы, промятые многими парами берцев. Пока мы двигались к центральной улице, ноги с характерным хлопаньем утопали в промокшей от дождя глине.

Дима оглянулся.

– Старайся не привлекать внимания к обуви и держись рядом со мной. Если кто-то будет про тебя спрашивать, скажем, что ты бродяжка, которую я спас из урагана, а ты молчи, легенду я придумаю на ходу. Но может, и без этого обойдется.

– Я вообще-то зарабатываю тем, что сочиняю! – возмутилась я.

– Ты мне обязательно расскажешь все свои сочинения, когда станешь полностью местной, – ответил через плечо Дима, – а пока ты ничего не знаешь о нашей жизни, будешь просто бродяжкой, которой повезло.

Мы выбрались с раскисшей тропы на центральную дорогу и пошли по направлению к лесу: вдоль ограды начинали выстраиваться люди с тележками и различными товарами, кричали зазывалы, и казалось, что мы приближаемся к средневековой ярмарке, насколько я имела о них представление.

– Когда подойдем ближе, – начал Дима, – каждый торговец начнет заманивать нас к себе, хватать за руки, но ты не реагируй и не отвечай. Здесь много моих знакомых, и пока мы не разобрались с легендой, лучше с ними не пересекаться. Пойдем на дальний базар, куда я редко захожу. Там не будет скидок, но не будет и лишних вопросов.

– Знаешь, в моем раннем-раннем детстве мне приходилось бывать на подобных рынках и развалах, так что я – человек опытный, не стоит меня недооценивать! А куда именно мы идем? В лесу-то я ориентируюсь.

– Вряд ли наш лес такой же, как твой, опытная девушка, – засмеялся в ответ Дима. – Но все же. Видишь, угол ограды, где лес мельчает и отступает вдаль, там дорога поворачивает, и за этим углом самые невыгодные места для торговцев. Мы называем их дальним базаром; туда редко доходят люди, все стремятся купить необходимое поближе к дому и у проверенных торговцев. Хотя говорят, что там можно раздобыть разные диковинные находки, за которые коллекционеры и собиратели отдают состояния.

– Что, например?

– Что-то из прошлого. Хотя я сомневаюсь, что эти ве-

щи действительно существуют: все железо уже давно собрано Правлением на территории леса, а всякие бессмысленные безделушки вряд ли кому-то действительно интересны.

– Так что же это за Правление такое? То есть это все – какая-то страна?

– Нет.

– Как – нет? У вас есть какое-то Правление, есть деньги, работа, рынки. Это и есть государство.

– Мы живем общинами. Все, что ты видела, – это и есть наша община. Община Тихого Леса. По миру есть еще некоторые места с удачным расположением, где остались люди, и они тоже устраивают свой быт, как могут. Очень редко оттуда добираются бродяжки, которые как-то умудряются пережить ураганы в пути, они говорят, что у нас самое выгодное расположение из-за леса, ведь у нас есть дрова. Но эти поселения далеко, мама рассказывала, что в течение нескольких лет после Первого Урагана в разные стороны уходили разведчики в поисках другой жизни, но из дальних экспедиций очень редко возвращались. Когда я подросток, экспедиции постепенно стали сходить на нет.

– А что сами правители? Кто они?

– Просто люди, такие же, как и мы. Сейчас среди них есть и молодые, и люди постарше, всего членов Правления шестеро, так сказать, представители разных возрастов. А в самом начале первое Правление, состоящее из старшего поколения, сразу после Первого Урагана основало в Тихом Лесу

ферму, они смогли раздобыть благодаря экспедициям скот, и сейчас у нас есть молоко и мясо. Там выращивают овощи и необходимые травы, а воду собирают из ежедневных дождей. Да и вообще ферма обеспечивает работой большую часть поселения.

– И эти члены Правления тоже живут в землянках?

– Нет, они же ставят себя намного выше других, – как-то издевательски и пренебрежительно ответил Дима. – У них дома в лесу, поближе к ферме, они всегда начеку и следят за хозяйством.

– Неплохо устроились. И что же у вас тут с работой? Насчет спичечного и мыльного заводов я поняла, а кто работает на этой ферме?

– Те, кого выбирает Правление. Любой может прийти и попробовать свои силы. Тем, кого Правление выбирает, несказанно везет. Зарплаты там – как и везде, но помимо дров, им добавляют к пайку молоко и овощи, а пару раз в месяц даже мясо, так они могут экономить деньги и покупать себе лучшее жилье, некоторые даже со временем перебираются в Тихий Лес.

– А как же охрана по периметру?

– Охрана – только на время урагана и иногда на ночь. Да и те, кто оказываются в лесу, – это как привилегированное сословие, их никто не тронет.

– М-да, мир другой, а порядки – те же, эту планету ничего не спасет. А ты пытался устроиться на ферму?

– Нет, мужчин туда неохотно берут. – Он помолчал, будто задумавшись о чем-то своем. – Особенно некоторых, да и работа там проще, чем у меня, я собираю и чиню станки, а грядки пусть полют более слабые.

– О-о-о, да у вас еще и половая дискриминация, просто прелестно, – хихикнула я, не придав значения его непроизвольному уточнению.

– А вот Лиза пыталась.

– Устроиться на ферму?

– Да, но ее не взяли.

– Почему?

– Правление не объясняет, просто отказали и все. Да и не стоило ей туда соваться, это было бессмысленно. И всю жизнь она работает фасовщицей на спичечном и назло всем не верит в портал и другой мир. Так она защищается.

– А во сколько лет здесь начинают работать?

– Я начал с одиннадцати, хотя скорее я просто помогал родителям, и присматривал за остальными. А когда мне было тринадцать, их унесло, и я пошел работать на полную смену почти каждый день. Лизе тогда было десять, а Темке – всего три. Лиза сразу попробовалась на ферму, и после отказа я привел ее к себе на завод, а Тему – как только ему исполнилось семь. Поэтому он такой взрослый в свои годы.

– Значит, они тебе как брат и сестра?

– Даже больше, они – все, что у меня есть.

– Дим, а я могу устроиться на работу? Я не хочу объедать

вас целый год, да и прятаться под землей столько времени я не выдержу.

– О, ты не только можешь, ты должна. Если ты не вернешь Лизе ее одежду и будешь тратить ее еду, то убьет она в первую очередь меня! – рассмеялся Дима. – Не волнуйся, переписи населения и документов у нас нет, как по рассказам родителей было до Урагана, а рабочие руки нужны всегда. А теперь давай будем тише, мы уже почти на месте. Все остальные байки из местной жизни обсудим дома, тут слишком много внимательных ушей.

С центральной улицы мы свернули на примыкающую к ограде леса широкую вытоптанную дорогу, которую использовали как торговую площадь. Тут действительно кипела какая-то средневековая жизнь. Одежда, обувь, кульки мелкой почерневшей картошки, всевозможные емкости с молоком и водой, куски мыла, засушенные травы, разъедающие глаза своим пряным запахом, стопки листьев лопухов, кучи часов – все это висело, лежало на тележках, разложенных тряпках и просто на земле. Вокруг кружили мухи, бегали чумазые дети, хватали нас за штанины и постоянно норовили залезть в карман. Некоторые торговцы стояли смиренно и ждали постоянных покупателей, кто-то громко зазывал к себе, предлагая мясо только что зарезанной коровы и ее же свежайшее молоко. Покупатели торговались, обвиняя продавцов в обмане, все вокруг гудело и шумело. Мы же продвигались сквозь это изобилие в направлении дальнего базара. Дима

крепко ухватил меня за руку и, как крейсер, возвышаясь надо всеми на целую голову, протискивал нас через напирющие со всех сторон толпы людей.

Ближе к повороту разношерстная масса рассредоточилась, торговцы стояли реже, продукция их была скуднее, а выбор меньше, да и сами они были как будто съезжившиеся.

– Дим, а как они выбирают место, где продавать? – шепотом спросила я.

– Они не выбирают. Они каждый месяц тянут жребий. Торговцы закупают товар на ферме и на заводах, что-то с рук у старьевщиков и коллекционеров, но места у забора принадлежат Правлению, и они каждый месяц перетасовывают людей, чтобы никто не мог пожаловаться.

– А торговцы платят Правлению аренду?

– Аренду?

– Ну, они платят за то, что стоят на этом месте?

– Нет, они только покупают продукцию, и чем хуже место, тем меньше выручки. Не везет беднягам, кто уже несколько месяцев вытягивает дальние места.

– Ну конечно, чистое невезение.

– Не смей так говорить вслух, а лучше и думать не смей. Это мы обсуждаем только в кругу семьи! – прошипел Дима.

– Боже, я как будто не провалилась сквозь пространство неизвестно куда! Это же мой обычный мир!

– Тихо, ты доиграешься! Дошли.

Мы завернули за угол: метрах в двухстах начинались точ-

но такие же ряды, только сложено тут все было намного аккуратнее, люди осматривали товары спокойнее и степеннее, щупали ткани, разглядывали разные безделушки, сами торговцы уже никого не зазывали, а просто наблюдали за покупателями. Казалось, что со средневековой крестьянской ярмарки мы попали на дворянский двор. Вообще все вокруг странным образом ассоциировалось с прошлым, я бы гораздо охотнее поверила в путешествия во времени, чем в существование такого строя в двадцать первом веке, пусть и в параллельной реальности.

Мы двинулись вдоль рядов, и я с интересом разглядывала прилавки: если забыть, что мой мир остался где-то невыносимо далеко, то товары больше напоминали содержимое шкафа любой бабушки: брошки, зеркала, маленькие шкатулки, заколки, маникюрные ножницы, ювелирные часы и вся та мелочь, что могла оказаться в карманах и сумках в тот момент, когда мир навсегда разделился.

Дима с видом знатока неспешно бродил вдоль прилавков и как бы между делом поглядывал на товары; до него никому из торговцев не было дела – они разговаривали между собой, мечтательно смотрели вдаль или вообще сидели к прилавкам спиной, затягиваясь самокруткой. После шумного центрального базара казалось, что они вообще не собираются нам ничего продавать. Дима остановился около седовласой женщины, которая внимательно наблюдала за нами с момента, как мы только показались на горизонте, но никакой ини-

циативы, как и все остальные на базаре, не проявляла. Он позвал меня кивком головы, и я, не без труда оторвав себя от разглядывания прилавков со всякой мелочью, которую любила в детстве перебирать в бабушкином комоде, подошла.

– Нам полный комплект с обувью и часы, самые простые, – сказал Дима женщине.

Торговка просканировала меня с ног до головы немигающим хитрым взглядом и произнесла:

– Не нравится, что дама одета с чужого плеча?

– Не нравится, – коротко отрезал Дима.

– И не жалко тебе тратить на нее столько денег? Она тебе хоть оплатит?

– Я делаю ей подарок, она – моя гостья. Сколько с нас?

– Какой ты, оказывается, богатый, раз делаешь такие подарки. Мог бы за пару лет поднакопить и задуматься о домишке в Тихом Лесу! – Женщина скривилась в ехидной улыбке, перевела взгляд на меня и продолжила. – А ты как собираешься ему отплатить за такое добро, а, бродяжка?

– Я устроюсь работать на ферму! – вырвалось у меня.

Дима строго и одновременно удивленно уставился на меня, а женщина, разразившись приступом смеха, переходящего в кашель, ответила:

– Ну, раз на ферму, то купишь ему в лесу дом. – И, достав откуда-то из-под прилавка кулек с одеждой и пару берцев со связанными между собой шнурками, протянула мне. – Твой размер?

Я осмотрела одежду и кивнула.

– Хорошо, с тебя десятка, парень. Часы дам в нагрузку. Мне нравится твоя дерзкая бродяжка.

Дима глубоко вздохнул и, достав из нагрудного кармана спецовки сверток, отсчитал десять бумажек, среди которых я заметила и рубли, и доллары, и какие-то неизвестные мне банкноты. У него в руках осталось три, которые он бережно сложил и убрал обратно.

Женщина приняла деньги, пристально разглядывая нас, пересчитала и, засунув их куда-то в накладные карманы не по размеру огромной спецовки, извлекла оттуда же часы на металлическом браслете и зубную щетку.

– На, паренек за тебя состояние отдал, а про гигиену не подумал. Ты, конечно, не станешь первой владелицей этого всего, но кто тут у нас бывает первым! Ты уж его не подведи, устройся на ферму.

Дима стоял как вкопанный, залитый багровым румянцем, и не мог проронить ни слова.

– Не подведу! – ответила я и, приняв свое новое имущество, быстрым шагом двинулась в обратный путь.

Дима догнал меня за доли секунды. Краска еще не успела сойти с его лица, но он постарался придать себе вид неприужденного спокойствия и укоризненно прошептал:

– Не надо было шутить про ферму. Тут действительно у всего есть уши, а у этих ушей – связи в Правлении!

– А что такого? Я действительно хочу попробовать устро-

иться на ферму, в конце концов, фасовать спички я всегда успею! Или есть какие-то особые условия?

– Говорят, что туда берут только по благу... И... Есть еще один момент... А впрочем, об этом потом!

– Вот это новость про благу! – съехидничала я. – За спрос денег не берут, попытка – не пытка, ну и все в этом роде. В общем, я попытаюсь туда попасть. Должна же я тебя отблагодарить, раз ты вложил в меня состояние! И что у вас тут вообще с курсом валют?

– С чем?

– С деньгами. Ты просто отсчитал количество бумажек, не обращая внимания на номинал.

– Эти бумажки – все, что осталось при себе у людей, кого не унес Первый Ураган. Мы не печатаем ничего нового, поэтому оборот денег со временем не меняется, и чтобы как-то уравновесить зарплаты, доплачивают дровами, без них не выжить, а лесопилка есть только в лесу.

– А в лесу – Правление, я уже поняла систему.

– Да, в лесу – Правление. Все мелкие металлические монетки – это части одного рубля. Белые – это половина, а желтые – четверть.

– Я смотрю, вы вообще не парились с устройством государства.

Дима пожал плечами и улыбнулся.

– Прости, я с этим рассказами об ураганах, параллельных мирах и правлениях совсем не подумал о бытовых моментах.

– Да уж, торговка тебя застала врасплох. Ладно, я тебе, пожалуй, помогу наводящими вопросами. В общем-то, меня интересует не так уж много элементов комфорта, а именно – душ и туалет.

– А теперь твоя очередь краснеть. – Дима перешел на смех. – Видела в трех домах от нашего насыпной вал?

– Видела.

– Ну вот за ним все поле – твое. А видела в продаже стопки из листьев лопухов?

– Видела... – понимая, к чему идет этот разговор, ответила я.

– Их покупаешь, и тоже все твои! – уже в голос смеялся Дима.

– Прелестно. Просто великолепно. Можно я не буду рассказывать, как устроен быт в моем мире?

– Можно, мне еще в детстве про это рассказывали родители, а я все не хотел верить, что когда-то люди жили иначе.

– Ну а с душем что? Воду покупают, с этим ясно. Но ее явно не хватит, чтобы еще и помыться.

– В лесу есть баня. Мы ходим туда два раза в неделю. Такой вариант тебя устраивает?

– Как будто у меня есть выбор...

– Не знаю, успокоит ли это тебя, но тебе предстоит всего год в таких условиях, а я живу так уже двадцать девять лет и ничего другого никогда не видел.

– Ты прав, прости. Я адаптируюсь, я вообще легко ко все-

му привыкаю. Просто осознание еще не пришло. Я тут часов пять всего, а как будто полжизни прошло.

Мы направлялись обратно к дому, и за те несколько часов, что я провела в этом диком мире, мне почему-то захотелось называть это место домом. Отчасти я ощущала себя как в глупой сказке или затянувшемся сне, где все вверх дном, но что-то в глубине меня ликовало, словно я впервые в жизни оказалась на своем месте. Как будто раньше я была лишним кусочком пазла, вертелась и так, и эдак, но не могла найти нужную позицию. И вдруг я попала туда, куда идеально подхожу, вот так неожиданно и в совершенно другом измерении.

На центральном базаре Дима набрал на копейки каких-то трав и овощей на ужин, а заодно прихватил пару пластиковых бутылей с водой.

– А откуда пластик? – поинтересовалась я.

– Ты про бутылки? В принципе, все, что у нас есть, – это наследие прошлого, и потому любую тару и посуду, в которой мы покупаем еду, потом надо обязательно возвращать торговцам, нового ожидать неоткуда.

– Чашка, из которой я пила, была деревянной.

– Да... Такие есть только у нас, родители в свое время выточили из дерева целый сервиз. Можно считать, что это – семейная реликвия.

Добравшись до землянки, я переоделась в новый наряд – торговка действительно угадала с размером, только часы так

и норовили слететь с узкого запястья. Дима строго наказал ни в коем случае их не терять. Местные чувствовали приближение урагана, а я обещала при любом раскладе поглядывать на часы как можно чаще и ровно в десять утра быть дома.

Пожалуй, самым непривычным мне показался распорядок дня. Ночь совершенно не означала сон, на нее, наоборот, приходился самый разгар работы; и когда в четыре утра изможденные двенадцатичасовой сменой люди приходили домой, у них оставалось полчаса, чтобы поесть и побыстрее заснуть, ведь уже в семь-восемь часов нужно было начать новый день, чтобы успеть сделать все дела до урагана. Базары сворачивались только на время урагана, видимо, торговцы использовали эти четыре часа для сна, хотя Дима рассказал, что во время урагана никто не спит – где-то в подсознании выработался блок на расслабление в эти ужасающие моменты.

– Теперь ты намного больше сливаешься с местной фауной, – оценил Дима мой новый образ, – и к коротким волосам подходит хаки.

Я расплылась в улыбке. Странное место и странное время, чтобы получать комплименты, но от этого даже приятнее. Лизины вещи я аккуратно сложила в углу, а футболку вернула Диме, кроссовки же мы спрятали в сейф к телефону и всему моему имуществу из прошлой жизни.

– Ну что, будем готовить ужин?

– Конечно, командуй, шеф!

– Боюсь, сегодня разнообразия не будет. У нас только картошка и чай.

Дима достал из угла, где, по-видимому, хранился весь домашний скарб, громадный котелок, налил туда воды из бутылки, а мне выдал купленную картошку, пучок подсохшей травы и котелок поменьше.

– Готовить будем на улице.

– О, на открытом воздухе, как в лучших ресторанах.

– Родители рассказывали про заведения, где для людей готовил кто-то другой, а они только ели.

– Я все время забываю, что ты ничего из этого не видел.

Но если собираешься через год мигрировать со мной, то надо учиться.

– А ты зовешь меня с собой?

– Но... Вы же вроде бы хотели узнать точное время и уйти в мой мир... – покраснела я.

– Я шучу! – засмеялся Дима. – Пошли на улицу.

Он мастерски развел костер около входа в землянку. В котелок побольше высыпал нечищеную картошку, а в маленький опустил пучок травы, отправив незамысловатую пищу на раскаленные угли. Мы уселись прямо на земле, поджав под себя ноги, в котелках кипела вода, и от углей исходило приятное тепло, уносящее мысли куда-то в далекие просторы Вселенной. Легкий, почти морской бриз доносил ароматы леса и шелест листьев, на пустырь опускались сумер-

ки, и у некоторых землянок тоже разгорались костры. Воздух был пропитан теплым вечерним туманом и навевал щемящее сердце ощущение, похожее на полную свободу и одновременно безысходность.

– Нам бы сюда вина... Вино – это...

– Я знаю, что это. У нас люди тоже гонят алкоголь из всего, что найдут.

– Это не то же самое. Вино скорее придает антураж и загадочность, делает обстановку более романтичной.

– Сейчас будет романтика! – хихикнул Дима и, спустившись в землянку, принес две деревянные чашки, миску и что-то вроде огромной деревянной ложки. Зачерпнув из маленького котелка с вареной травой, он разлил жидкость по чашкам и одну вручил мне. – Это лучшее, что ты пила!

Я попробовала зеленоватую жидкость и, на удивление, на вкус она оказалась не такой уж ужасной – напоминала слабо заваренный чай с сахаром.

– Ну как? – Димины глаза горели.

– Это пойло превзошло все мои ожидания! – засмеялась я.

Дима расхохотался и, подцепив ложкой две картофелины в мундире, подул на них и протянул мне:

– Почисти и ешь руками, так будет вкуснее!

Я последовала совету: то ли я слишком давно не ела, то ли атмосфера располагала, но такого удовольствия от еды я не получала никогда в жизни.

Мы сидели у огня, жевали рассыпчатую картошку, запи-

вая местным чаем, смотрели в затянутое тучами темнеющее небо и молчали, а по телу пробегала волна искреннего счастья. Мне было так хорошо, но так странно. Еще утром я вела самый обычный образ жизни, не верила ни в какие другие миры, да даже не задумывалась об этом! А сейчас сидела напротив человека, которого знала меньше двенадцати часов, но который стал удивительно родным, и была счастлива. По-настоящему счастлива. Мысли о моем мире, об оставленных людях и благах цивилизации постепенно отходили на второй план, уступая место новым надеждам и горизонтам.

Когда совсем стемнело, а вода из котелка с картошкой почти выкипела, Дима затоптал костер, и мы спустились в землянку. Он разложил остатки картошки по тарелкам, разлил чай на двоих и, оставив ребятам ужин на столе, убрал посуду на место, а потом затопил буржуйку.

– Саш, надо ложиться спать. Как видишь, спальные места у нас не предусмотрены, мы расстилаем матрас на полу, туда помещаются только двое. Так что, когда около пяти утра придут ребята, мы уступим им место.

– Да, конечно.

– Мне немного неловко, что тебе приходится так быстро привыкать к нашим условиям. Ты, наверное, дома спала на огромной кровати. Мне рассказывали родители, что люди жили в квартирах, где было несколько комнат, и уж точно не надо было спать на полу.

– Ты за сегодняшний день меня столько раз выручал, что

это мне должно быть неловко. Давай устраивать ночлег. Показывай, что к чему.

Все из того же угла, где хранилось абсолютно все в этом доме, Дима выудил матрас (все же изначально я правильно поняла предназначение этого тюка) и расстелил на полу, заняв все свободное пространство.

– Ну, вот и все! Постель готова, прошу, – сказал Дима, протягивая мне старый плед. – Ночью холодно, так что мы не раздеваемся.

Я лежала на спине, закинув руки за голову, и разглядывала танцующие на потолке тени от игры огня в печке, Дима старался соблюдать максимальную дистанцию в этом узком пространстве и свернулся на самом краю матраса.

– Неловко, – резюмировал он.

– Да уж. Сегодня утром я никак не планировала засыпать на полу с мужчиной, которого знаю полдня. Ты завтра работаешь? – постаралась я сменить тему.

– Да, у меня две рабочих смены. Завтра дома Лиза.

– Тогда я пойду устраиваться на работу.

– Не думай, что ты ей не понравилась, просто вы еще толком не узнали друг друга. А насчет работы – не торопись, разберись сначала здесь со всем.

– Я не хочу жить за ваш счет, я так просто не умею. Так что завтра с утра я отправлюсь на ферму. Лучше расскажи, что мне нужно знать, чтобы никто не догадался, откуда я.

– В основном ты уже все знаешь, главное избегай тем, в

которых сомневаешься, и кто знает, вдруг тебя возьмут.

– Какие важные наставления перед собеседованием! – съязвила я. – Лучше ответь, что фермеры делают зимой, когда нет урожая.

– Хорошо, что ты не спросила об этом у самих фермеров! Погода всегда одинаковая, каждый день, круглый год. Ураган, дождь по расписанию, а все остальное время – облачно и достаточно тепло. Старшее поколение еще помнит снег и жаркое лето, а я даже не совсем представляю, как это! Я так хочу увидеть снег, почувствовать, какой он...

– Он холодный, белый и тает, когда берешь его в руки. Бывает рыхлым и пушистым, а бывает мокрым, почти как дождь... Ты увидишь его в моем мире, я обещаю!

– Я надеюсь.

– Дим, а расскажи про своих родителей.

– Я обязательно расскажу, но в другой раз. А ты мне – подробнее про свой мир. Сейчас нам обоим все же лучше поспать, завтра будет твой первый полный день в этом мире. А у меня – один из многих рабочих.

– Тогда доброй ночи!

– Доброй ночи... Саш, можно маленькую просьбу?

– Конечно.

– Пообещай не говорить на ферме, у кого ты живешь.

– Почему?

– Просто пообещай. Я объясню, но позже.

– Обещаю, но жду разъяснений.

– Спасибо! Я все расскажу.

Глава 3.

Я еще досматривала во сне чушь про работу, тексты и каких-то людей из прошлого, когда ощутила, что меня кто-то легонько трясет за плечо и шепчет:

– Саш, вставай! Скоро пять утра, и ребята придут со смены!

Я открыла глаза и первые несколько секунд после пробуждения не понимала, где я, что происходит, и категорически не хотела узнавать человека, пытавшегося привести меня в чувства. Предыдущий день настолько вымотал меня, что ни сон на жестком матрасе, ни холод землянки за всю ночь ни разу меня не разбудили. Осознание произошедшего накануне постепенно возвращалось, мир вокруг принимал знакомые очертания, и, конечно, Дима был первым среди новых воспоминаний.

– Доброе утро! Я не сразу поняла, где я.

– Еще бы, наверняка, во сне бродила по знакомым местам твоего мира.

– Обычно мне снится несвязный бред, сегодняшняя ночь – не исключение.

– А я думал, ты бегала по лесу. Ты брыкалась! – улыбнулся Дима.

– Я не специально, просто не привыкла спать с кем-то еще, а коты на мои пинки, видимо, не реагируют.

– Любишь ты, похоже, котов! К сожалению, действительно нужно вставать. На завтрак у нас то же, что и на ужин, чай сейчас подогрею. Место для умывания – все за тем же валом, воду возьми с собой, только всю не выливай. Тебя проводить?

– Думаю, я найду сама. Новый день, а я все еще тут, значит, теперь я – полностью местная.

Я вылезла из землянки и погрузилась в первые лучи только выходящего солнца, пробивающиеся через плотную завесу туч. Людей не было: кто-то досыпал положенные часы, а кто-то еще только заканчивал работать. Воздух пах сырой землей, утренней росой и свежестью начинающегося дня. Так странно: все разы в моей прошлой жизни, когда приходилось вставать в такую рань, я чувствовала себя совершенно разбитой, хотя спала в комфорте, а сейчас ощущала необычайный прилив сил и бодрости, который не даст ни один кофе.

Вал, располагавшийся через три дома от нашего, представлял собой огромную кучу плотно утрамбованной земли, метров десять в длину, которую с двух сторон обвивали протоптанные тысячами людских ног тропы. С другой стороны от вала в его основании были выдолблены неглубокие полочки, чтобы класть вещи, и вырыта пологая яма в форме раковины, где накапливалась дождевая вода. Дима говорил, что многие экономят воду и умываются прямо из этой импровизированной раковины, но на это моральных сил мне пока не

хватало.

Возвращаясь к землянке, я услышала доносившийся из нее разговор на повышенных тонах с истерическими нотками и поняла, что в мое отсутствие Лиза и Артем вернулись с работы. Несложно было догадаться, что спор шел именно обо мне, но расслышать с улицы я ничего не могла, а когда зашла внутрь, все моментально замолчали, и только по недовольному взгляду Лизы, брошенному в мою сторону, стало ясно, кто был инициатором разговора.

– А вот и наша новенькая. Ну как прошел первый день? – обрадовался мне Артем.

– Непривычно, но неплохо. Понемногу осваиваюсь.

– Это правильно. Ты полностью сливаешься с местным населением в такой одежде. Дима сказал, ты решила попробовать устроиться на ферму?

Лиза хмыкнула и, налив себе еще чаю, сделала вид, что очень увлечена ужином.

– Да, я бы хотела попробовать. А если не получится, то пойду к вам на завод.

– Может, ты и сможешь их очаровать, – пожал плечами Дима.

Артем хитро перевел взгляд с меня на Диму и, заметив, что я этот взгляд уловила, перевел тему:

– Что ж, давайте ужинать, а вы – завтракать и на боковую. Мне скоро в новую смену.

Лиза и Артем расположились на табуретках возле стола,

а мы с Димой – на матрасе, поджав под себя ноги. Холодная картошка оказалась уже не такой вкусной, как вчера – только с костра, но однозначно лучше, чем ничего. Я была настолько признательна этим людям, вот так просто принявшим меня в свою жизнь, что решила во что бы то ни стало устроиться на ферму и хотя бы на год попытаться сделать их жизнь чуть проще.

– Пойдем прогуляемся, – предложил Дима, когда наша трапеза подошла к концу. – Не будем мешать ребятам спать.

Вылезая из землянки, я спиной чувствовала полный недоверия и неприязни взгляд Лизы, не проронившей ни слова. У меня редко складывались дружеские отношения с другими девушками, так было всегда – даже во время учебы я предпочитала мужское общество. Но и открытой вражды я старалась избегать, а Лиза, по-видимому, нет. Это не слишком меня заботило, я еще не успела себя показать, не успела ничем помочь, и судить сейчас было бы странно, а потому я была уверена, что со временем ее отрицательный настрой изменится.

Поселение заметно оживилось: уже совсем рассвело, многие готовили ужин на кострах около домов, а некоторые, пошатываясь от усталости и поддерживая друг друга, группами возвращались со своих работ. Все казалось таким естественным и обыденным, будто бы этот мир был мне давно знаком и близок. Неужели за один день можно так привыкнуть к чему-то кардинально новому?

Мы направились к опушке леса в сторону, противоположную базару, туда, где располагались заводы. Дима хотел показать мне место своей работы. Думаю, он ожидал, что уже к вечеру, отвергнутая на ферме, я приду на спичечный завод и отправлюсь по Лизиним стопам, но я почему-то ни секунды не сомневалась в том, что у меня получится. Будто предстоящий визит за ограду Тихого Леса был предназначен мне судьбой.

– Смотри, чтобы пройти на ферму, – начал Дима, когда мы поравнялись с воротами, ведущими в лес, – ты проходишь в калитку и двигаешься вдоль бетонных блоков.

– Это не просто блоки, это клумбы. Были когда-то.

– Ты только не делись на ферме своими познаниями, не хочу я, чтобы тебя сразу раскусили, и ты отвечала на вопросы Правления. – Дима остановился и взял мои руки в свои. – Обещай, что будешь аккуратной!

– Обещаю! Так, куда мне дальше, когда я пройду мимо блоков?

– Дальше поворачиваешь налево на первой же тропе, и через небольшой пролесок будет вход на фермерское хозяйство. А дальше спросишь, где принимают на работу.

– Ты же не устраивался на ферму. Откуда ты знаешь, где там что находится?

– Я был там... однажды, давно уже, когда родителей унесло, – робко ответил Дима, опустив глаза в землю и замявшись.

– И что же ты искал на ферме?

– Хотел попасть к новому Правлению.

– Зачем?

– У меня были вопросы насчет родителей.

– Ты не хотел верить, что их просто унесло?

– Какой ребенок готов поверить в смерть родителей...

– Прости. Но ты что-то смог выяснить?

– Ничего важного. Хотя не уверен, что со мной вообще пытались говорить.

– И ты что-то подозреваешь?

– Есть мысли... – Он тяжело вздохнул. – Я обязательно тебе расскажу, но позже. Это непросто.

Мы двигались вдоль лесной опушки уже достаточно долго, когда в заборе показалась грубо прорубленная калитка, а за ней среди деревьев – углубленные в землю по самую крышу длинные бараки, покрытые кусками древесины, корой, соломой и всем, что попадалось под руку строителям.

– Ну вот он – мой завод, – гордо произнес Дима. – Чуть дальше будет мыльный, но он меньше, да и работа там погрязнее. Если что понадобится – заходи, я буду рад показать, как я работаю.

– Надеюсь, что я приду сюда уже сегодня, чтобы похвастаться должностью фермера!

– Пожалуй, я надеюсь на это даже больше тебя. Свой человек под боком у Правления – это невероятная удача. – Дима на секунду замер, будто осмысливая собственные слова и

продумывая одному ему известный план, и перевел тему. – А в нашей программе осталось еще одно важное место – это баня.

Мы прошли вдоль забора мимо бараков спичечного завода, обогнули еще более скучные строения, если их так вообще можно было назвать, мыльного завода и попали к другим воротам. В моем мире они когда-то служили дополнительным входом, который еще много лет назад заварили, а здесь вели к бане. Пожалуй, второму по важности объекту после фермы.

– А вот и центр нашей Вселенной. – Дима махнул рукой в сторону ворот. – Баня.

– Действительно центр, и как туда попадают? А главное, сколько это стоит?

– Бесплатно. Два раза в неделю каждый может приходить, она работает с утра и до конца урагана.

– Бесплатно? Мне начинает у вас нравиться! А как отследить, что ты не ходишь сюда каждый день?

– Тебе иногда надо работать и спать, а не только мыться! – засмеялся Дима. – К тому же, тут есть охранник, который всех помнит в лицо, людей ведь не так много.

– И он кого-то ловил?

– Буквально пару раз. Народ у нас честный, незачем обманывать. А если вдруг понадобилось экстренно, то тебя всегда пропустят.

– Ух ты, честные люди, бесплатная баня. Мои восхище-

ния!

– Неужели в твоём мире так все плохо? Ты удивляешься, казалось бы, обыденным вещам.

– Расскажу на досуге про наш народ, хотя я не слишком сильна в политике и экономике.

– Зато сильна в словах, которые я слышал только от родителей.

– Я иногда забываюсь. Но меня все еще интересует баня. Когда я могу туда пойти?

– В любой день. Я иду завтра, могу тебе все показать.

– Отлично! Одна я точно буду привлекать к себе лишнее внимание.

– С собой мыло и полотенце, воду выдают каждому на месте. Там же можно постирать одежду.

– И снова это намного лучше, чем ничего. Так, а что еще интересного у вас есть? Наша экскурсия ведь не окончена? – Я с надеждой взглянула на Диму.

– Да в общем-то, ты видела все основное. Можем просто прогуляться. Главное, прошу тебя, – Дима одарил меня серьезным взглядом строгого родителя (наверное, не просто было в детстве Артему), – помни, что ровно в десять ты должна быть дома, ни минутой позже!

– Но ведь когда ты меня спас, было уже почти двенадцать. А меня не унесло.

– Ты была в Тихом Лесу, там ураган почти не ощутим, и своего максимума он достигает около часа дня. До двенадца-

ти еще можно передвигаться, если знать правила, но после – категорически нет. А твое время – десять. По крайней мере, до тех пор, пока полностью не освоишься.

– Так что же ты делал около ворот в такое время? Я уже точно знаю, что ни базар, ни заводы в это время не работают.

– Да ничего особенного... – Дима густо покраснел и опустил взгляд. – Гулял, проходил мимо.

– Ну конечно, гулял, и потому сейчас не можешь смотреть мне в глаза.

– Хорошо, я скажу, только прошу, ни Лизе, ни Артему, ни кому-то еще не говори. Обещаешь?

– Конечно. У меня тут нет никого ближе тебя, чтобы делиться секретами. Да и тогда я бы ни за что не разболтала.

– Я искал портал.

– Но почему ребятам не стоит об этом знать? Ведь ты хочешь забрать их в мой мир, а для этого туда надо как-то попасть.

– Артем относится к этому как к легенде или истории, которой никогда не суждено сбыться, хотя и очень воодушевился твоим появлением, а Лиза вообще отказывается верить в очевидное. Я же каждый день уже несколько лет пытаюсь найти проход в лучший мир, миллион раз я проходил через эти ворота, отсчитывая по секундам время и прячась от стражи. Но ничего не получалось – пропускал нужное мгновение. А в этот день я почему-то прошел мимо, решил просто проветриться и не прогадал – на обратном пути

я встретил тебя. Это самая настоящая судьба! Значит, ты – мой ключ к выходу отсюда. И когда мы все выясним и узнаем точное время, возьмем с собой ребят и уйдем все вместе.

– Дим, я не уверена, что мой мир действительно лучше. Там много несправедливости, люди часто остаются без работы, кто-то голодает, а кто-то – наоборот – купается в деньгах. Там люди редко общаются вот так просто, как мы сейчас, а все больше пишут друг другу сообщения в телефонах. Я не уверена, что люблю мой мир. А еще ты считаешь меня какой-то избранной, но я оказалась здесь по воле случая и не могу обещать, что помогу, – выпалила я на одном дыхании и с опаской взглянула на своего спасителя, возвышающегося над моей головой.

– И не надо обещать. Просто делай то, что чувствуешь, и все само получится! Я не считаю тебя избранной, но мы оба верим в судьбу: значит, ты здесь не случайно, а потому что должна быть здесь. А зачем – узнаем со временем.

Димины карие глаза полыхали решимостью и надеждой. Как бы я хотела подтвердить его надежды! Только не знала пока, как ему сказать, что мне нравилось здесь, и я спустя всего один день уже с трудом могла вспомнить родной мир с его несовершенствами, пороками и проблемами. Казалось ли мне, что я попала в идеальный мир? Конечно нет, и мне еще не раз предстояло убедиться в его неидеальности, но для моей души он оказался роднее, чем место, где я провела двадцать шесть лет. И этот человек с всегда немного печальны-

ми, но полными силы глазами всего за какие-то сутки успел стать мне ближе тех, кого я называла друзьями.

Мы бродили вдоль опушки леса, слушали ласковые напевы ветра в кронах деревьев, дышали фантастически свежим и чистым воздухом, которого я прежде никогда и нигде не ощущала, смотрели в серое грозное небо и болтали обо всем. Диме было так интересно узнать про мой мир, и я рассказывала, что только могла вспомнить: об истории, о разных странах, о моей учебе и работе, о политике, в которой не разбиралась, о еде, о домашних животных. Что-то он слышал от родителей, чему-то удивлялся. Все-таки за последние пятьдесят лет мой мир шагнул очень далеко, а тут все наоборот откатилось к естественности; именно эта естественность так меня и привлекла. Быть может, это им повезло, а не нам. Быть может, зря Дима хочет увидеть многоэтажки и самолеты. А счастье просто спряталось в этот мир: в его простоту и серое небо, только никто этого не осознал... Часы тем временем неумолимо приближали свои стрелки к десяти утра, и мы, ускорив шаг, отправились к землянке.

Когда мы добрались до дома, ветер начал угрожающе завывать и ощутимо продувать военную спецовку. Люди, кто быстрым шагом, а кто и бегом, стягивались к своим жилищам; на их лицах застыло выражение животного ужаса. Так странно: в течение пятидесяти лет они жили в таких условиях, как свои пять пальцев знали особенности урагана, но все равно продолжали бояться. И не просто чувствовать диском-

форт, когда ветер усиливается, а бояться панически: слишком многого в жизни лишил их этот ураган. Лишил или все же открыл что-то лучшее?

В землянке спальное место было уже убрано, а Лиза с Артемом пили чай и мирно болтали. Казалось, что даже мое появление не внесло разлад в царившее здесь спокойствие. Удивительно, насколько добрее становятся сытые и выспавшиеся люди. И тем не менее я не слишком-то была рада провести предстоящий день с Лизой. Обычно я старалась не делать поспешных выводов о людях, да и мне редко кто-то не нравился сразу, я предпочитала давать шанс, но в этот раз, кажется, все было предельно ясно с первых секунд. Как бы я ни надеялась, что время сможет сгладить этот неожиданный для меня конфликт, суровые взгляды Лизы, которые она кидала в мою сторону всякий раз, когда на нас не смотрели парни, говорили сами за себя. Сложно было понять, то ли ревность не давала ей относиться ко мне непредвзято, то ли мое появление перечеркнуло ее взгляды и устои, но антипатия сочилась из каждого ее слова и действия.

– Ну, присаживайся! – с порога обратился ко мне Артем. – И пока я не ушел на работу, рассказывай, как тебе у нас. Насколько велика разница с твоим миром?

Я примостилась на краешек табуретки, которую Дима уступил мне, а сам снова пристроился на полу, точь-в-точь как в первые минуты моего пребывания здесь.

– Разница огромная. Пока что ваш мир показался мне

добрее и честнее.

– Добрее? Ты просто не сталкивалась с работой здесь.

– Я как раз сегодня пойду устраиваться.

– Дима сагитировал тебя на спичечный, чтобы присматривать за тобой? – подмигнул Артем.

Дима покраснел, а Лиза, наоборот, как будто слилась со своей формой цвета хаки.

– Нет, я пойду на ферму, по крайней мере, попробую.

– Тебя не возьмут, – презрительно отрезала девушка, расчесывая светло-русую косу.

– Я же сказала, я хочу попробовать. Слышала, что тебя не взяли, почему?

Лиза метнула разъяренный взгляд в сторону Димы:

– Разболтал, значит. Первой же попавшейся девке! Откуда ты вообще знаешь, кто она, чтобы так доверять?

– Успокойся, – абсолютно невозмутимо ответил Дима. – Саша – не первая попавшаяся, она действительно из другого мира, и ей нужна наша помощь. И для того, чтобы выжить здесь, она должна знать, как все устроено. Будь добрее.

– Совет да любовь! Можешь все секреты вываливать, мне все равно, – огрызнулась Лиза.

Артем сохранял нейтралитет между вспыхивающей как спичка Лизой и непробиваемо спокойным Димой, не принимая ничью сторону. Я видела, что он не слишком доверяет мне, но и не стремится в чем-то обвинить, а просто изучает и расспрашивает, чтобы вынести окончательный вердикт.

Из них всех Артем казался самым старшим и опытным, а к мнению его явно прислушивались, и только потому, что он слишком часто подчеркивал свой статус, можно было догадаться о его истинном возрасте.

– Саш, так ты хочешь на ферму, почему? – продолжил Артем, как будто только что не было никакой перепалки.

– В детстве я каждое лето уезжала на каникулы в деревню и прекрасно знаю, как обращаться с растениями, коров я тоже пробовала доить, и курицы у нас жили. Думаю, я смогу справиться с этой работой, а что насчет спичек и мыла – я слабо представляю подробности их производства. И торговец из меня никакой, поэтому остается ферма.

– В деревню? – переспросил Артем.

– Тём, помнишь, в детстве я тебе рассказывал историю, почему наши родители выбрали ферму? – медленно и аккуратно подбирая слова, вмешался Дима.

– Так ваши родители работали на ферме? – удивилась я.

– Да, это как раз то, что я планировал рассказать тебе позже, – пожал плечами Дима и, снова обратившись к Артему, но все еще пряча глаза в пол, продолжил: – Мама говорила, что летом она уезжала к бабушке, где пасла коров, полола грядки и купалась в реке. Ей так все это нравилось, что она мечтала остаться там и никогда не возвращаться в город. Поэтому сразу же после Первого Урагана она поняла, что не выжить без сельского хозяйства. А потом и твои родители втянулись.

– Да, припоминаю. Надо бояться своих мечтаний.

– Ты упускаешь детали! – встряла с ехидным замечанием Лиза. – Рассказывай уж тогда вообще все своей подружке!

Я предпочла промолчать, а Дима только покачал головой в ответ.

Всякий раз, когда разговор касался подробностей про Диминых родителей, он старался перевести тему. Конечно, он знал меня лишь один день, и пусть этот день был насыщеннее всей моей прошлой жизни, но это всего двадцать четыре часа. У него не было уверенности, что мне можно доверять, что я действительно оказалась тут просто по стечению обстоятельств или благодаря проделкам судьбы. А я – то ли по своей природе слишком доверчивая, то ли мое чудесное спасение произвело слишком яркое впечатление – я доверяла ему всецело. Вряд ли я вообще когда-то кому-то могла так довериться. Поняв, что вопрос с родителями слишком непростой и глубоко личный, я решила отложить лишние расспросы хотя бы до того момента, пока не попаду на ферму и не изучу изнутри все самостоятельно. Только вот говорить о родителях он не хотел не только со мной, а вообще, и это наталкивало на некоторые вопросы, которые назойливо крутились в голове. Хотя кое-какие элементы пазла все же стали складываться воедино, и я приняла решение пока просто наблюдать и впитывать все, что вижу и слышу вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.